

Всё, что попадало в поле его зрения, казалось не более чем нелепым фарсом.

И если для окружающих посмешищем был он, то в его глазах таковыми были они сами.

Ли Жун, слегка запрокинув голову, неспешно допил вино. Осушив бокал, он придвинул к себе тарелку с пирожным, стоящую на соседнем стуле, и принялся есть, совершенно не заботясь о том, как это выглядит со стороны.

В мыслях он невольно возвращался к событиям прошлой жизни.

Тогда его здоровье было куда хуже. Очнувшись в больнице, он чувствовал, что душа его умерла вместе с родителями. Почти месяц он провел в туманном забытьи на вилле, которую суд милостиво позволил пока не освобождать. Он не мог ни есть, ни спать, а в голове роились вопросы, на которые не было ответов. Ли Жун не понимал, как обычный провал в разработке лекарства мог обернуться такой катастрофой. Не понимал, почему родители не попытались оправдаться публично, а выбрали самый крайний путь — доказать свою правоту ценой собственной жизни.

Все эти нити сплелись в такой тугий узел, что он не мог нащупать даже кончик, за который можно было бы потянуть.

Всего за три недели Ли Жун довел себя до изнеможения. Приглашение на день рождения Сун Юаньюань стало для него единственным связующим звеном с миром живых, единственным зовом от того, кого он считал близким. Он был выжат до предела, его дух едва держался в теле, но он всё равно пришел.

Тот день был важен для Юаньюань. Каждая девушка заслуживает идеального совершеннолетия: с родителями, друзьями и любимым человеком. По крайней мере, именно так она ему говорила.

Теперь он понимал: скорее всего, она просто боялась, что он откажется прийти.

В тот раз у него не было ни подходящего костюма, ни аккуратной прически. Бледный, изможденный, он напоминал осужденного на казнь. На том изысканном и роскошном банкете он выглядел жалко — ходячий анекдот, не более.

Его высмеивали, унижали, за ним наблюдали с праздным любопытством или брезгливой жалостью под шум вульгарной музыки и мелькание теней.

Понимая шаткость своего положения, Ли Жун тогда даже не пытался подойти к Юаньюань. Он не кричал о своей невинности, не оправдывал родителей и не умолял бывших коллег отца о

помощи. Он просто тихо сидел в углу дивана в главном зале, опустив глаза и безучастно слушая чужой смех. Его взгляд застыл на геометрических узорах паркета.

Сун Юаньюань тоже не спешила к нему. Как главная героиня вечера, она была окружена плотным кольцом поздравляющих. Безупречный макияж, роскошное платье... Она краснела от бесконечной лести, а на её указательном пальце сверкало кольцо из розового золота.

Воздух был пропитан приторными ароматами: запах кондитерского крема смешивался с тяжелым парфюмом, проникая в каждый уголок зала, включая и тот незаметный край дивана, где забился Ли Жун.

Когда открыли шампанское, брызги хмельного дождя разлетелись во все стороны.

— Фу, какая гадость! Вы мне всё платье испортили! — кокетливо вскрикнула Юаньюань.

— Красавица под дождем — что может быть чудеснее!

— С днем рождения, Юаньюань! Смотри в камеру!

— Ох, и для кого же ты так бережешь свой наряд?

— Ну уж точно не для... Ха-ха-ха, не толкайся, я ничего не говорил!

...

Время тянулось невыносимо медленно. Ли Жуну тот вечер казался бесконечным и пресным до зевоты. Он не чувствовал ровным счетом ничего. После пережитого горя любые любовные терзания казались сущей чепухой.

В какой-то момент Сун Юаньюань, цокая каблуками, направилась в его сторону. Но она прошла мимо него и остановилась перед Цэнь Сяо.

— Цэнь Сяо, танцпол открыт, — произнесла она своим самым сладким голосом, кокетливо и изящно. — Не хочешь станцевать со мной первый вальс?

Ли Жун тогда даже глаз не поднял. Отросшие волосы закрывали веки, выстроив между ним и миром хрупкую преграду. Всё, что он знал о Цэнь Сяо на тот момент: одноклассник, сосед по парте, его семья принадлежала к высокопоставленным кругам «Ланьшу». Совершенно другой по характеру, отношения — натянутые.

Юноша был уверен, что Цэнь Сяо его недолюбливает. То ли из-за старой вражды между

«Хунсо» и «Ланьшу», то ли из-за какой-то давней обиды.

И тогда он услышал, как Цэнь Сяо с легкой усмешкой ответил:

— С удовольствием.

...

«С удовольствием»

Ли Жун сосредоточенно доел клубничный мусс, отряхнул крошки с кончиков пальцев и привычным движением слизнул каплю сливок с уголка губ. Он ел с таким нескрываемым наслаждением, что гости невольно замялись.

Мать Сун выдавила из себя подобие улыбки:

— Это всего лишь детские шутки, какая там любовь в их годы. Прошу всех в зал! Танцы начинаются, угощайтесь, не стойте на пороге.

Пока она говорила, Сун Юаньюань спустилась из своего декоративного замка. Придерживая пышную юбку, она обогнула строение и, проследив за взглядами гостей, недоуменно обернулась.

На мгновение она застыла.

Ли Жун всегда казался ей холодным и слишком серьезным. Как и все ученые, поглощенные своим делом, он мало заботился о внешности. Юаньюань помнила его как нечто чистое и простое — словно причудливая снежинка под микроскопом: видишь, но не можешь удержать.

Но сейчас перед ней был другой человек. Улыбка делала его лицо ярким, живым, и это притягивало сильнее, чем когда-либо прежде.

Мать Сун легонько подтолкнула дочь в спину:

— На что ты засмотрелась? Не забудь пригласить Цэнь Сяо на танец.

Юаньюань опомнилась и быстро окинула взглядом присутствующих. К её удивлению, Цэнь Сяо сегодня оделся довольно скромно. Имея самое завидное положение в этом обществе, он предпочел максимально неброский образ, словно не желал привлечь лишнего внимания.

И он был одним из немногих, кто не смотрел на Ли Жуну.

Его взгляд был прикован к диснеевскому замку, и в глазах читался неприкрытый интерес. Щеки Юаньюань обдало жаром. Раз на этом замке только что стояла она, значит, он смотрел именно на неё. Она и впрямь сегодня была чудо как хороша — вполне естественно, что Цэнь Сяо обратил на неё внимание.

Юаньюань глубоко вздохнула, расправила плечи и плотнее сжала губы, покрытые блеском. Шестое чувство подсказывало ей: он не откажет.

Гости с лужайки потянулись в дом. Внутреннее убранство заслуживало отдельного упоминания: стены были украшены свежими импрессионистскими росписями. На первый взгляд — хаотичные мазки, но издали линии складывались в английское имя именинницы. Семья Сун явно не поскупилась.

За двумя белоснежными колоннами в форме волн уже расположился оркестр. Слуги разносили нежное фуа-гра, приготовленное поварами из пятизвездочного отеля. За длинным столом, расставленным в форме сердца, находилась площадка для танцев. Дирижер перелистнул партитуру — вечер открывал придворный вальс, столь знакомый Юаньюань.

Ли Жун поднялся со своего места и, не глядя по сторонам, направился в зал. Его лицо выражало абсолютное спокойствие и расслабленность, будто трагедия в его семье была лишь дурным сном, приснившимся всем гостям разом.

Лишь на секунду, проходя мимо Цэнь Сяо, его маска дрогнула.

Он едва заметно нахмурился и, прижав левую ладонь к животу, тихо бросил:

— Желудок разболелся.

Цэнь Сяо инстинктивно поставил бокал и тоже понизил голос:

— А не надо было лопать торты на сквозняке.

Желудок Ли Жуна был самым хрупким, что Цэнь Сяо видел за последний месяц. Ему становилось плохо от холодного, от ветра, от голода и даже от лишнего куска. Лекарства вызывали тошноту, а их отсутствие — жгучую изжогу. Чаще всего в школе юноша просто лежал на парте, обхватив живот руками, бледный до синевы в губах.

Но Цэнь Сяо ничем не мог ему помочь.

Ли Жун прерывисто выдохнул, слегка растер ладонью область желудка, пряча гримасу боли. Он поднял глаза на Цэнь Сяо и вкрадчиво прошептал:

— Если меня кто-нибудь разозлит, станет еще хуже. Вдруг откроется язва? Или прободение? Тогда я больше никогда не смогу пить крепкий алкоголь, под которым так удобно поддаваться чужому влиянию.

Цэнь Сяо фыркнул, и тревога в его глазах сменилась иронией. Скользнув взглядом по его фигуре, он сухо ответил:

— Спасибо за предупреждение.

Ли Жун многозначительно улыбнулся:

— Не за что.

В зале он напрямик направился к тому самому дивану, на котором сидел в прошлой жизни. Светло-желтая обивка, мягкие подушки, а рядом — кофейный столик с горячим кофейником, сахаром и сливками. Место было на редкость уютным. Оказалось, даже в моменты полнейшей апатии он не обделял себя комфортом.

Пока гости обменивались любезностями и выбирали партнеров для танца, Ли Жун лениво откинулся на подушки, закинув ногу на ногу. Если бы не ноющая боль в желудке, он бы обязательно стащил еще кусочек фуа-гра.

Он видел, как Юаньюань что-то шепнула матери, поправила складки платья на животе и направилась к Цэнь Сяо.

Ли Жун положил в кофе пять или шесть кубиков сахара и, прихлебывая горячий напиток, принялся наблюдать за представлением.

Юаньюань подошла к Цэнь Сяо. Приняв позу невинной и скромной девушки, она чуть склонила голову и тихо спросила:

— Цэнь Сяо, танцы начинаются. Не хочешь станцевать со мной первый вальс?

Прежде чем тот успел ответить, юноша внезапно сморщился. Кофе оказался обжигающим. Он в спешке поставил чашку на столик, забавно высунув кончик языка и стараясь унять жар.

Внимание Цэнь Сяо тут же переключилось на него, и он не спешил отвечать девушке. Не получив немедленного согласия, Юаньюань замерла с натянутой улыбкой и была вынуждена проследить за взглядом собеседника, устремленным на Ли Жуна.

Ли Жун, нахмутив брови, усиленно втягивал воздух, пытаясь охладить обожженный язык. Это вышло случайно. Теплоизоляция у чашки была отличной, и, увлекшись зрелищем, Ли Жун

совсем забыл про температуру напитка. Глоток вышел приличным — не будь он так озабочен приличиями, точно бы всё выплюнул.

Юаньюань чувствовала себя крайне неловко. Ли Жун всё еще формально считался её парнем, и она не была к нему совсем уж безразлична, но интересы семьи требовали сближения с Цэнь Сяо. А тот, как назло, смотрел только на юношу на диване.

Собрав всю волю в кулак, Юаньюань попыталась вернуть его внимание:

— Цэнь Сяо, ты...

— Он не умеет, — подал голос Ли Жун. Из-за обожженного языка он немного шепелявил.

Вообще-то он щадил чувства Юаньюань. В конце концов, ей сегодня было всего восемнадцать, а ему — двадцать три. В его будущих планах она была слишком мелкой фигурой, чтобы всерьез сводить с ней счеты.

«Как это — не умеет!?»

— возмутилась Юаньюань про себя. В семьях их круга детей обучали основам вальса раньше, чем грамоте. Она решила, что Ли Жун просто ревнует и пытается помешать.

Но Цэнь Сяо...

Тот внимательно посмотрел на Ли Жуну и, не моргнув глазом, отдельно произнес:

— Да. Не умею.

Юаньюань онемела. Она не могла поверить, что Цэнь Сяо ей отказал. И пусть отказ был формально вежливым, всем было ясно, к чему клонится дело.

Ли Жун даже не взглянул на них. Откинувшись на спинку дивана, он сосредоточенно дул на свой кофе, словно ответ соседа по парте его ничуть не касался.

— Что ж, тогда я спрошу кого-нибудь другого, — вымученно улыбнулась Юаньюань и, сжимая в пальцах край платья, поспешила обратно к матери, стараясь сохранить остатки достоинства.

Мать Сун стояла далеко и не слышала разговора. Увидев, что дочь вернулась ни с чем, она нахмурилась:

— В чем дело?

Юаньюань поджала губы и, оказавшись под защитой матери, перестала притворяться.

— Он сказал, что не умеет танцевать! — прошипела она. — Я же говорила, что это плохая идея, мне так стыдно!

Мать Сун вцепилась в руку дочери, её взгляд стал жестким.

— Как это — не умеет?! Быть такого не может!

— Не знаю! — Юаньюань вырвала руку и сердито отвернулась.

Мать Сун глубоко вздохнула и бросила на Цэнь Сяо тяжелый взгляд. Затем её внимание переключилось на диван в углу.

Ли Жун сидел там, почти невидимый в тени, и мелкими глотками пил кофе, скрыв лицо за чашкой.

— Понятно, — процедила Мать Сун. — Ты и Ли Жун всё еще официально пара. Цэнь Сяо, видимо, просто не хочет в это ввязываться. И ты тоже хороша — могла бы выбрать место подальше от этого мальчишки!

— А что я могла сделать?! — вспыхнула Юаньюань, у которой и так всё валялось из рук. — Он сам встал рядом с ним!

— Тихо! — осадил её мать. — Не велика беда. Мы и так собирались официально разорвать все связи с семьей Ли. Вот тогда совесть твоя будет чиста.

***

Ли Жун допил сладкий кофе и мельком взглянул на экран телефона.

В котором часу Мать Сун решит его публично унижить?

Казалось, прошло уже целое ведро времени. Он так долго сидел на диване, что ноги начали затекать. Стоит признать, в прошлой жизни он обладал поистине ангельским терпением.

Тогда Юаньюань и Цэнь Сяо всё-таки танцевали. Ли Жун сидел безучастно. Он не помнил, как близко они стояли друг к другу, не помнил, о чем они говорили. В памяти осталось лишь то, как низко была опущена его голова — в поле зрения попадали только чужие ноги. Все вокруг казались ему просто существами, которые умеют дышать. На то, что Юаньюань его демонстративно игнорирует, ему было глубоко плевать.

В голове царила пустота.

И когда он, наконец, попытался выбраться из своего кокона, то услышал, как его всю распекают.

— Господин Сун к нему обращается, а он сидит как истукан!

— Совершенно невоспитанный мальчишка. Прийти в таком виде на праздник к Юаньюань...

— У людей радость, а он тут со своей миной. Не все обязаны плясать под его дудку, как папочка с мамочкой.

— Вот я и говорю — избаловали. Родители небось все гранты прикарманили, чтобы ему на безбедную жизнь хватило.

— Скоро он поймет, что в этом мире за всё надо платить.

...

В тот день Ли Жун долго ничего не ел. Его лицо было белее мела, губы потрескались в кровь, а в желудке бушевала боль. Холодный пот катился по спине, волосы на висках намокли и неприятно липли к коже. Он выглядел жалко.

Эти язвительные голоса походили на ледяной зимний ветер в подворотне — острый, как бритва, он резал саму кожу. Ли Жун чувствовал себя запертой в клетке птицей: сколько ни бейся о прутья, лишь изранишься еще сильнее.

Ему вспомнились слова Гюстава Лебона:

«...как только люди становятся частью толпы, ученый ничем не отличается от невежды. Они теряют способность видеть истину»

Многие из этих людей были друзьями его родителей, коллегами, клиентами. Когда-то они были вежливы, доброжелательны, образованны. Казалось бы, такие люди последними должны опускаться до травы.

Но реальность распорядилась иначе. У него был жестокий учитель, который преподносил уроки не через книги, а через саму жизнь.

Краем глаза он видел, что Цэнь Сяо сидит напротив. Ли Жун не поднимал головы, но знал — тот молчит. А молчание — это тоже форма соучастия.

От бессильной ярости Ли Жуна душил кашель. Сдерживаясь из последних сил, он чувствовал, как на глазах наворачиваются слезы. Его прекрасные глаза, обычно такие живые, теперь смотрели затравленно и тускло.

Внезапно Мать Сун ласково взяла его за руку, притворным жестом погладила по впалой спине и заговорила тоном благодетельницы, в котором сквозило ледяное превосходство:

— Ли Жун...

— Ли Жун.

Голос из прошлого слился с реальностью. Ли Жун выпрямился и медленно открыл глаза. В ярком свете люстр он увидел перед собой лицо Матери Сун.

Они с дочерью не были похожи. У женщины был высокий лоб и тонкие, высоко вздернутые брови густого багрового оттенка. Глаза — лисьи, с приподнятыми уголками, а под острыми скулами кривились тонкие, злые губы. Когда она улыбалась — в ней виделась неприкрытая лесть, когда хмурилась — желчная спесь.

Ли Жун потер переносицу и перевел затуманенный взгляд на Цэнь Сяо.

— Сколько я проспал? — буднично спросил он.

Он и сам не заметил, как отключился. Гул голосов подействовал на него лучше любого снотворного, и даже крепкий кофе не помог.

Снаружи уже совсем стемнело. Небо окрасилось в густой чернильный цвет, а тени деревьев и декоративный замок превратились в черные силуэты. Воздух за городом был чист, и на небе сиял золотой серп луны. Надо признать, диван у Сун Юаньюань был на редкость удобным.

Лицо хозяйки дома помрачнело.

— Ли Жун, ты пришел на день рождения к Юаньюань только для того, чтобы поспать?

— Вот именно. Дрыхнет тут битый час, смотреть тошно.

— Даже не встал, когда к нему подошли. Никакого уважения.

— И зачем только его позвали? В его семье такое горе, а он нам тут праздник портит своей аурой...

— Четыре с половиной часа, — Цэнь Сяо оборвал поток сплетен. Он взглянул на часы и повторил: — Ты проспал четыре с половиной часа.

Ли Жун мгновенно преобразился. Сонливость как рукой сняло. С видом искреннего раскаяния он посмотрел на Мать Сун и невинно произнес:

— Прошу прощения. Учеба в выпускном классе совсем вымотала.

Но хозяйка дома не собиралась его отпускать.

— Ли Жун, я понимаю, у тебя в семье случились... неприятности. — Она криво усмехнулась. — Учитывая, что вы с Юаньюань дружите с детства, я всё же пригласила тебя. Но ты даже подарка не принес.

Она подчеркнула — «дружите». О любви не было сказано ни слова.

Ли Жун слегка склонил голову набок, и в уголках его губ на миг промелькнула тень насмешки.

— Простите. Я забыл.

Он произнес это так уверенно и прямо, что Мать Сун, даже при всём своем желании поскорее от него избавиться, едва не задохнулась от гнева. Забыл? Подарок для её дочери — и просто забыл?

Она холодно рассмеялась:

— Я понимаю, Ли Жун. Сейчас ты вряд ли можешь позволить себе что-то стоящее. — С этими словами она резким движением сняла с запястья тяжелый изумрудный браслет. Подняв его к свету, она желчно добавила: — Вещица не самая дорогая, но тысяч за пятьсот ты её продашь. Возьми эти деньги и держись от Юаньюань подальше. Она заслуживает лучшего будущего.

С этими словами она бросила браслет Ли Жуну. Тот упал ему на колени, едва не соскользнув на пол. Сун Юаньюань тут же опустила голову и вцепилась в руку матери, не говоря ни слова. Ей было стыдно, но она не жалела. Она знала, что этот момент настанет. Это и была единственная причина, по которой Ли Жуна позвали.

Атмосфера вокруг стала удушающей. Десятки глаз — жалостливых, насмешливых, ледяных — впились в него. И только Цэнь Сяо, сидевший напротив, улыбался. Он вертел в руках дорогую зажигалку, лениво откинувшись на спинку дивана. Щелчок крышки, затем сухой звук кремня — ритм его движений идеально совпадал с ходом секундной стрелки.

Тот с нескрываемым интересом наблюдал за лицом Ли Жуна. На этот раз он был лишь

зрителем. Он проигнорировал намеки Матери Сун и не удостоил вниманием Юаньюань. Ему просто хотелось увидеть, как далеко зайдет юноша в своей мести.

Все присутствующие возомнили себя судьями, глядя на Ли Жунуна с высоты своего мнимого благородства. Он был окружен врагами, предан всеми... Но Цэнь Сяо видел лишь то, как очаровательно раскраснелись его щеки после сна. Ему хотелось помочь. На самом деле, Ли Жуну стоило только попросить.

Ли Жун сидел, опустив голову. Длинные ресницы отбрасывали мягкую тень на веки. Его бледная шея под воротником рубашки казалась хрупкой и незащищенной в свете люстр.

Он молчал так долго, что Мать Сун уже решила, будто он убит горем из-за потери возлюбленной. Но тут Ли Жун негромко рассмеялся.

Этот смех был таким искренним и радостным, что его глаза превратились в полумесяцы, а уголки губ задорно приподнялись. С того места, где сидел Цэнь Сяо, было видно, как подрагивают его густые ресницы и как кончик языка касается ровного ряда белоснежных зубов. В этом взгляде сквозило редкое, почти хищное лукавство.

Смех был красив, но в этой тишине он звучал пугающе неуместно. Мать Сун решила, что мальчишка просто лишился рассудка от потрясения. Она уже открыла рот, чтобы закончить сцену, но Ли Жун вдруг глубоко вздохнул.

Он поднял лицо и вальяжно откинулся на диван. Взяв браслет, он принялся рассматривать его на свету. Изумруд был чист, прозрачен и почти лишен изъянов — настоящая драгоценность.

Убедившись в подлинности камня, Ли Жун перестал улыбаться. Он медленно провел пальцем по гладкому ободу и, глядя Матери Сун прямо в глаза, с абсолютной серьезностью произнес:

— Спасибо. Я как раз решил: теперь мне нравятся мужчины.

Он произнес это четко и громко. Слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. Гости застыли, словно пораженные молнией, не в силах осознать услышанное.

Пальцы Цэнь Сяо, игравшие с зажигалкой, замерли. Ли Жун оказался куда смелее, чем он предполагал.

Мать Сун стояла как вкопанная, не понимая, как такая неслыханная дерзость могла сорваться с его губ. Юаньюань рядом с ней выглядела не менее ошарашенной. Заявить такое сразу после расставания с ней — это было тягчайшее оскорбление. Но она знала: Ли Жун нагло врет. Тот Ли Жун, которого она знала, никогда бы не посмотрел на мужчину.

Не обращая внимания на застывшие от ужаса лица, Ли Жун легко поднялся с дивана.

Игнорируя всех, он уверенным шагом направился прямо к Цэнь Сяо. Подойдя вплотную, он чуть склонил голову, разглядывая его позу.

Затем он бесцеремонно отодвинул руку Цэнь Сяо и опустился прямо в его объятия. В этот миг в его глазах ледяная стужа столкнулась с пылающим гневом, превратившись в обманчиво-ласковый омут.

Ли Жун мягко улыбнулся, и его голос прозвучал с пугающей нежностью:

— Живее. Я больше не хочу стараться сам.

<http://bllate.org/book/15351/1417473>